

вечная женственность упорхнула

Валерий Гергиев исполнил две симфонии Малера

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

Вернувшись из японского далека, Валерий Гергиев спланировал на российские просторы, охватив своей артистической экспансией и Москву, и Питер. В Москве, в зале Чайковского, мариинцы сыграли Вторую симфонию Малера. В Питере, на родной сцене, прошла череда статусных спектаклей с участием Ольги Бородиной в «Хованщине» и Владимира Галузина в «Турандот». Но апофеозом гергиевской недели стало исполнение циклопической «Симфонии тысячи участников» — так в музыкантском обиходе называют Восьмую симфонию Малера.

Склонность Гергиева к гигантизму и впечатляющим мегапроектам давно уже не новость. Его творческой личности требуется дерзкий размах. Еще не утихли споры и восторги по поводу «проекта века» — постановки русского «Кольца нибелунга», осуществленной впервые в истории отечественного музыкального театра, а на подходе новая головокружительная затея: исполнить разом, одну за другой, все симфонии Малера. Предполагается провести малеровский фестиваль в 2007 году, приурочив его к столетию посещения Малером Петербурга, где композитор дал два концерта. Подготовку к малеровскому марафону начали уже несколько лет назад. За прошедшие годы Гергиев и оркестр Мариинского театра не единожды исполняли Вторую, Третью, Пятую, Шестую и Девятую симфонии. Особенно часто звучала Вторая, так что избразить ее перед москвичами мариинцам не составило особого труда — они обошлись практически без репетиций и сыграли впечатляюще: драматично, с живым чувством и с еловым питерским апломбом.

Наскоком взять твердыню Восьмой симфонии, однако, не удалось. Полторачасовое симфоническо-хоровое полотно, по жанру очень близкое к оратории, требует от исполнителей особой тщательности. Для исполнения Восьмой необходимо свести воедино огромный хор, пятерной состав оркестра и восемь солистов, каждый из которых снабжен довольно сложной партией.

В Восьмой важна чистовая отделка, последний этап работы над сочинением, когда все ноты уже выучены и пора выстраивать драматургию. Ювелирно стыковать вступления хора, солистов и оркестровых групп, следя за тем, чтобы разрозненные части, фрагменты и эпизоды были идеально пригнаны друг к другу, а переходы не нарушали единства музыкального потока.

Герберт фон Караян, взявшись за Восьмую, репетировал ее десятки раз. Не меньше работал над Восьмой и Джеймс Ливайн, недавно исполнивший эту симфонию.

Питерское же исполнение «Симфонии тысячи участников» вызвало двойные чувства. С одной стороны, значительность происходящего на сцене Мариинского театра события не вызвала сомнений. С другой — исполнение симфонии внушало серьезные сомнения в том, что музыка звучит верно, так, как задумывал автор. При всей переусложненности, гиперполифоничности оркестровых пластов в малеровских партитурах всегда присутствует логика, точно зафиксированные интонационные и смысловые акценты. Но как раз этого и не хватало в версии Гергиева.

Спору нет, хор проделал огромную работу (хормейстер — Андрей Петренко), чувствовалось, что партии выучены надежно, на совесть. И состав солистов подобрался сильный, хотя выставить сразу три приличных драмсопрано — задача нелегкая даже для самой богатой оперной труппы. А тут на сцене рядышком стояли отличные певицы: Ольга Савова, Млада Худолея, Ирма Гиголашвили, да в придачу еще и превосходное меццо — Злата Булычева, а благородный звучный баритон Эдема Умерова прекрасно оттенялся матерым тембром Михаила Кита и звонким лирическим тенором Евгения Акимова.

И все же ощущения слитной, цельной и внятной интерпретации не возникало: несмотря на моменты экзотических озарений, несмотря на старания певцов и хора, глобальный мистический смысл симфонии ускользал от восприятия.

Сияющая «вечная женственность», воплощенная в финале, была дана лишь намеком; блаженство горнего мира обозначено, но не прочувствовано.

Оркестру, хору да и дирижеру не хватило именно этого, главного: прочувствованной коллективной вслушанности в партитуру. Эта вслушанность достигается только долгими и кропотливыми репетициями. А сводных репетиций перед концертом было маловато.

Тем не менее, услышав Восьмую симфонию даже в не очень совершенном исполнении, уходишь обновленным. А может быть, и преображенным. Такое уж это сочинение: длящееся состояние

восторга, неослабевающее ощущение счастья переживаются интенсивно в каждую секунду звучания. Мистицизм Малера, упокоившись в поздних прозрениях старца в финале «Фауста» (вторая и третья часть симфонии исполняются на слова Гёте), входит, наконец, в равновесное состояние гармонии. Mater Gloriosa — высшая ипостась Гретхен и Елены — парит в горних высях, призывая в те сферы и художника. И Густав Малер, будто зная и предвидя скорую свою смерть, с радостью и надеждой идет туда, где, как писал композитор своей жене, «явится нечто, освобожденное от плоти земной приблизительности... и нам не нужны будут тогда ни иносказательные описания, ни сравнения и символы; там свершится то, что я здесь пытался описать, но чего описать нельзя».

Валерий Гергиев самоотверженно решил представить на сцене Мариинского театра Восьмую симфонию Малера

Фотограф: Никита Инфантьев